

основано ни на дифференциальных уравнениях, фиксирующих эмпирические закономерности, ни на общеполитических представлениях автора. Такими моделями являются, например, применяемые в американской историографии модели пирамиды, изображающие иерархию средневекового общества, и некоторые другие.

Несомненный интерес в то же время вызывает попытка К. В. Хвостовой, опираясь на положение марксистской философии о развитии как движения по спирали, разработать модель аграрного развития Византии в XIV в. с учетом параметров винтовой линии. Следовало бы, однако, более определенно сказать о гипотетичности подобного моделирования, поскольку не все исходные положения подтверждаются источниками.

Интересны также вводная и заключительная части работы. Во введении К. В. Хвостова подробно характеризует современную так называемую количественную историю и приходит к выводу, что интерес к теоретическим проблемам истории, характерный для представителей количественной истории, связан с распространением на современном Западе философии постпозитивизма.

В заключение автор приходит к выводу, что формализация теорий, объясняющих средневековые социально-экономические закономерности, состоявшая в замене словесных суждений о закономерностях дифференциальными уравнениями, имеет определенную специфику по сравнению с соответствующей формализацией в социологии и экономике. Дифференциальные уравнения являются предельно простыми. Это те уравнения, которые используются для моделирования закономерностей типа: величина изменения явления x прямо (обратно) пропорциональна явлению y и величине изменения явления y в фиксированный момент времени.

С. С. Аверинцев. Поэтика ранневизантийской литературы. М.: Наука, 1977. 320 с.

Монография С. С. Аверинцева «Поэтика ранневизантийской литературы» и ряд статей того же автора бесспорно представляют собой выдающееся явление в современной византиноведческой литературе. Автор во всем и всегда идет своим собственным путем, проявляя не только огромную эрудицию, но и оригинальность мышления. В преодолении трудности, в выборе наиболее сложных и непроторенных дорог в науке автор видит свою задачу. Это сказалось прежде всего в выборе им темы монографии. Без преувеличения можно сказать, что в изучении истории и культуры как античности, так и Византии нет более трудной темы, чем проблема перехода от античности к средневековью. Многие десятилетия эта проблема волнует как историков и философов, так и филологов, искусствоведов. Это самая сложная и далекая от разрешения проблема современной византиноведческой историографии.

Автор счастливо сочетает в себе как

Несложный характер математического выражения утверждений такого типа вовсе не означает простоту исторических закономерностей этой эпохи вообще. Напротив, средневековые исторические закономерности, как и закономерности всякой иной эпохи, отличаются чрезвычайным разнообразием и сложностью. Однако это разнообразие может быть изучено на уровне качественного предметного анализа явлений путем рассмотрения его конкретно-исторических проявлений. Объектом формализации становится лишь то общее, что имеется в явлениях, несмотря на их многообразие. Это общее обнаруживается в результате теоретического абстрактного рассмотрения явления и является содержанием несложного дифференциального уравнения. В то же время процедура формализации теоретического построения, относящегося к средневековым социально-экономическим закономерностям, отнюдь не является простой.

Однако сложность формализации, как показывает К. В. Хвостова, состоит не в математическом выражении как таковом, а в нахождении в системе словесных утверждений тех утверждений, которые могут быть записаны с помощью уравнений, адекватно выражающих закономерности.

Монография К. В. Хвостовой безусловно заслуживает высокой оценки. Известно, какую огромную роль формализация теории играет в современной социологии и экономике. Научный интерес монографии К. В. Хвостовой заключается в том, что впервые в медиэвистике в ней поставлена и решена проблема формализации теоретических построений, отражающих средневековые закономерности.

З. В. Удальцова

блестящего специалиста по античной литературе — хорошо известны его работы по этой отрасли знания, так и талантливый византист, признанный знаток ранневизантийской философии, искусства и, конечно, в первую очередь литературы.

Сочетание глубоких знаний античных и раннесредневековых памятников открыло перед ним возможности приступить к разрешению проблемы перехода от античности к средневековью как с точки зрения антиковеда, так и византиниста. Длительное время в византиноведческой литературе как у нас, так и за рубежом идет то заглушающая, то вспыхивающая вновь полемика о сущности и характере перехода от рабовладения к феодализму и об отражении изменений в социально-экономической структуре общества в явлениях культуры. В этом длительном споре С. С. Аверинцев, признавая детерминированность явлений культуры изменениями в общественных отношениях, принимает теорию так на-

зываемого феодального синтеза, которая была выдвинута в исторической литературе Б. Ф. Поршневым и развита А. Д. Люблинской, Е. В. Гутновой и автором этих строк (см.: Вступление, с. 10—26). Соглашаясь с этой концепцией и в целом — с характеристикой перехода от рабовладения к феодализму в социально-экономической сфере, принятой автором, я бы хотела лишь подчеркнуть необходимость типологического подхода к разрешению этой проблемы, что помогло бы выделить своеобразие этого процесса в Византии по сравнению с Западом и Востоком. На наш взгляд, в отличие от других регионов Европы в Византии процесс генезиса феодализма происходит с явным преобладанием позднеантичных элементов.

Кроме того, принимая теорию феодального синтеза, автор рассматривает только греко-римский и восточный его компоненты. При этом остается неосвещенным вопрос о воздействии варваров на общественный строй Византии, хотя, естественно, их влияние на византийское общество и его культуру было значительно меньшим, чем на Западе.

Вместе с тем и оба указанных выше компонента синтеза — восточный и греко-римский — рассмотрены в книге неравномерно: восточным влияниям уделено все же значительно меньше внимания, чем античным традициям.

Вполне естественно, что у С. С. Аверинцева проблема синтеза прежде всего преломляется в сфере идеологии и культуры. Византийская культура, и в частности византийская литература, является не только плодом взаимовлияний, но и результатом органического синтеза античных и восточных элементов.

Ранневизантийская культура, по его мнению, широко воспринимала восточные формы и перерабатывала их на основе античных традиций. Поэтому он называет раннюю Византию «пограничным явлением», применяя этот термин как к пространственной границе, разделявшей Запад и Восток, так и к временной границе, разделявшей античность и средневековье (с. 248). Полностью соглашаясь с этим тезисом автора, я бы хотела все же подчеркнуть, что влияние на византийское общество культуры стран Востока, и в частности восточных литератур, рассмотрено в книге С. С. Аверинцева с меньшей полнотой, чем того хотелось бы. В частности, проблема воздействия сирийской и иранской культур еще ждет своего исследователя. Это прекрасно знает и сам автор (с. 247—249).

Не менее острые споры в византиноведческой науке (особенно последних лет) ведутся по вопросу о периодизации истории ранней Византии. В зарубежной историографии неоднократно высказывались суждения, что IV—половину VII в. следует относить еще к поздней античности (этого мнения придерживаются и некоторые советские авторы). С. С. Аверинцев и ряд советских византистов являются сторонниками иной точки зрения. Они рассматривают период IV—

VII вв. как время перехода от поздней античности к средневековью, выделяя на первый план те элементы нового, которые сближают этот период с последующим периодом формирования средневекового общества. Особенно четко эта концепция формулирована в статье С. С. Аверинцева «На перекрестке литературных традиций (Византийская литература: истоки и творческие принципы), опубликованной в «Вопросах литературы» (1973, № 2, с. 150—183). Эта же концепция принята и в книге «Поэтика ранневизантийской литературы».

Всецело поддерживая концепцию С. С. Аверинцева, я считаю, что главным ее достоинством, как и достоинством всех работ этого автора, является то, что он освещает историю культуры и литературные процессы в динамике, причем акцент переносится именно на элементы нового. Это особенно относится, естественно, к рассмотрению собственно проблем ранневизантийской литературы. В характеристике ранневизантийской литературы С. С. Аверинцевым бесспорно сказано новое слово. Вместо традиционной описательности, господствующей в многочисленных зарубежных трудах-компендиумах по истории литературы, начиная с К. Крумбахаера и до наших дней, в книге С. С. Аверинцева мы находим глубокое осмысление, синтетический анализ, охватывающий всю противоречивость процесса формирования ранневизантийской литературы. Вместо статичного нанизывания фактов и имен ранневизантийских авторов, с чем мы обычно встречаемся в зарубежном литературоведении, делается попытка воссоздания динамичного, многообразного и глубоко противоречивого процесса рождения византийской литературы. Не статика, а динамика, не плавный процесс, а противоречивое единство и борьба противоположностей — вот главное, что отличает, по мнению автора, ранневизантийскую литературу (Заключение, с. 239 и сл.). Автор подчеркивает постоянную борьбу противоречивых начал и тенденций в ранневизантийской литературе. И эту борьбу он рассматривает отнюдь не традиционно. Обычно, как известно, эта борьба сводилась к противоборству языческой и христианской идеологии в литературе. С. С. Аверинцев ставит проблему шире. Он старается понять и осмыслить изменение всей идеологии и социальной психологии ранневизантийского общества, рождение нового видения мира, характерного для средневекового человека. Действительно, в этот период рождается новая эстетика, создается новый по сравнению с античностью «образ мира», воплощенный в особую знаковую систему символов. Меняется и сам человек, его представление о мире, его отношение к вселенной, природе и обществу. На смену античному идеалу героической личности приходит образ страждущего, униженного, раздираемого противоречиями греховного человека. Меняется и представление человека о космосе, о времени и пространстве, о ходе истории:

на смену замкнутым историческим циклам античных писателей приходит телеологическое, библейское толкование поступательного движения истории. Усиливается дидактический элемент во всех сферах культуры. Слово и книга, знак и символ занимают большое место в жизни человека ранневизантийской эпохи. Расшифровать этот язык, понять глубину его символики, прочесть скрытые официальными стереотипами мысли средневекового человека, его этические и эстетические взгляды, нашедшие отражение в поэтике ранневизантийской литературы, — вот задачи, которые ставит в своих работах С. С. Аверинцев.

Естественно, не все решено им до конца. Кое-что лишь намечено. При обилии философско-исторических и литературных памятников IV—VII вв. в центре внимания исследователя находятся прежде всего труды Василия Кесарийского, Григория Назианзина, Псевдо-Дионисия Ареопагита, Евсевия Кесарийского, Нонна Панополитанского, Романа Сладкопевца и такой памятник, как «Акафист Богородице». При огромном количестве упомянутых в книге имен собственно литературоведческий анализ включает преимущественно названных авторов.

Несколько в тени остались Иоанн Златоуст, ранневизантийские ритори —

Синезий, Фемистий, Имерий. Отсутствует характеристика Агафия Миринейского, Георгия Писиды. Лишь упомянуты Мосх, Леонтий Кипрский. Читателю хотелось бы больше знать и о загадочной фигуре императора Юлиана Отступника. Но вполне понятно, что автор и не ставил своей задачей дать исчерпывающую характеристику всех ранневизантийских авторов, сосредоточив свои силы на тех, кто особо важен для его общей концепции.

Некоторые положения автора не лишены умозрительности, подчас излишней усложненности. Но эти недостатки отнюдь не умаляют больших достоинств монографии С. С. Аверинцева.

Все работы С. С. Аверинцева отличает прекрасный, своеобразный, образный язык. Его переводы необычайно поэтичны и тонко передают стиль византийских авторов. Изученная им литература огромна, она глубоко продумана и по своему оценена автором. С. С. Аверинцев мало с кем соглашается и со многими спорит (П. Лемерль, Г. Хунгер, Х. Г. Бекк и другие).

Монография С. С. Аверинцева представляет собой оригинальное исследование и вносит значительный вклад в развитие византиноведческой науки и литературоведения.

З. В. Удальцова

В. В. Бычков. Эстетика поздней античности. II—III века. М.: Наука, 1981. 325 с.; В. В. Бычков. Византийская эстетика. Теоретические проблемы. М.: Искусство, 1977. 200 с.

Работы В. В. Бычкова представляют собой обобщение результатов многолетних исследований, проводившихся автором в области позднеантичной и ранневизантийской эстетики. В. В. Бычков является первооткрывателем темы «Эстетические воззрения ранневизантийских мыслителей» в советской научной литературе. В зарубежной византистике история эстетики этого периода до сих пор характеризовалась лишь очень бегло (почти исключительно в работах Г. Мэтью¹). Эстетические взгляды отдельных мыслителей этого времени (за исключением Августина Блаженного, чьей эстетике посвящен ряд ценных исследований — А. Берто, К. Эшвайлера, А. Викмана, Й. Грубанха, К. Свободы, Т. Манфердини) прежде специально не изучались. Тем большая заслуга в разработке данной темы принадлежит В. В. Бычкову, ибо он не только самостоятельно исследовал множество частных ее аспектов, но дал цельную и убедительную общую концепцию развития христианской эстетики во II—V вв. Основные положения этой концепции, фундаментально важные для дальнейшего развития истории эстетики, сводятся, на наш взгляд, к следующему.

1. Религиозный, иррациональный характер философских учений раннехристианских мыслителей стимулировал их

интерес к изучению механизма вразумного, эмоционального восприятия человеком окружающей действительности. Так как эстетическое восприятие мира располагается именно в этой плоскости, «отцы церкви» неизбежно должны были ставить и разрешать многочисленные эстетические вопросы, которые не являлись актуальными для философов языческой античности. Поэтому эстетические взгляды раннехристианских писателей были необходимой органической частью их общепhilosophического мировоззрения.

2. Многие фундаментальные философские проблемы решались «отцами церкви» эстетическими средствами и находили выражение в эстетических категориях. Так, мир, вселенная, универсум воспринимался как прекрасное произведение идеального художника-творца. Творение, согласно этой концепции, осуществлялось в соответствии с законами гармонии, ритма, меры, по принципу соответствия каждого элемента мира своему собственному, раз и навсегда определенному предназначению и соответствия каждой отдельной части потребностям целого. По мнению философов раннего христианства, в основе существования мира как определенного единства лежит вечный и неизменный божественный порядок. Упорядоченное, целостное совершенство космоса позволяет говорить о его красоте и, таким образом, относиться ко вселенной как к объекту эстетического наслаждения.

¹ См.: Mathew G. Byzantine Aesthetics. L., 1963.